

Б Е Р А
Калачкава

Добра,
зла

Вера Александровна Колочкова

Добрая, злая

Серия «Секреты женского счастья»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6451762
Добрая, злая: роман / Вера Колочкова: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-113027-5

Аннотация

Какая мама не хочет счастья для дочери! Чтобы были все жизненные достижения: хорошее образование, приличная денежная работа и муж-красавец. Только при внешности Сани последнее очень сомнительно. Но мама упрямо идет к цели. И вот благодаря ее стараниям в жизни девушки появился Кирилл – парень с яркой внешностью, но пустой, ленивый и холодный. Весь его интерес – реалити-шоу, на котором участники могут без труда заработать большие деньги.

Все внутри Сани противится этому «счастью», но она идет на поводу у маминых желаний. До поры до времени пока, в один прекрасный день стройный мамин план рухнет и придется что-то менять...

Вера Колочкова

Добрая, злая

© Колочкова В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Мука мученическая эти новые туфли на каблук. И ладно бы еще каблук, но зачем к туфлям платформу-копыто присобачивать? Колодка совсем не гнется, и стопа поутру, когда пришлось их надеть, заныла, а к обеду так воспротивилась истязанию, что пришлось мысленно ее уговаривать: потерпи, миленькая, что ж делать, если мода такая... Знать бы имя того женоненавистника, который такую моду придумал, да заказать бы ему анафему! Нет, сам по себе каблук не страшен, с ним все, в общем, понятно – классика, Коко Шанель и тому подобное. Но это копыто, простите! Для чего, зачем? Чтобы модная жизнь слишком сладкой не казалась? Да видала она ее в гробу, эту модную жизнь! Если бы после лекций не надо было к маме за деньгами ехать, лежали бы эти копыта в коробке, и все дела...

Да, странная картина получается, если проследить всю цепочку событий. К примеру, начать с того, как мама эти туфли покупала. Сама, без нее. Так ясно эта процедура в голове

всплывает... Вот мама зашла в магазин, вот медленно обвела взглядом полки с обувью. Конечно же, эти, с копытами, ей сразу в глаза бросились. Да еще и продавщица наверняка подсуетилась с рекомендациями «последний писк моды, сейчас все так носят». Определенно мама еще и на себе этот «писк» опробовала. И коварная продавщица тоже наверняка зашла в восторгами, профессионально упрятав наплывшую на лицо ухмылку – уж больно неказисто этот «писк» смотрелся на маминых полных, коротковатых, а к возрасту еще и слегка отечных ногах. Зато как она потом ей эти туфли дарила! Как у нее глаза блестели в ожидании восторженных «ахов»! Тут уж хочешь не хочешь, а впрямь ахнешь и изобразишь все, что она желает, по полной программе. Потом, конечно, ругнешь себя за потворство насилию, и так и останется это слабенькое ругательство в душе, маминым удовольствием придавленное...

А впрочем, бог с ним, с упавшим ругательством. Заботу материнскую ценить надо. Она же хорошая дочь, а не эгоистка какая-нибудь. К тому же еще и полная мамина иждивенка, и за мамин счет обучаемая студентка, хоть и проживающая отдельно-самостоятельно. Кстати, на этой отдельно-самостоятельности мама сама и настояла, когда в ее беззаботном иждивенчестве вдруг возник бойфренд Кирюша, и очень уж как-то их сожителство с легкой маминой руки быстро организовалось, она и опомниться не успела. И даже

тот факт, что Кирюша с трудоустройством не спешил и удачно в это совместное иждивенчество вписался, маму отнюдь не смутил. Так и заявила: а что, мол, такого, ищет себя парень! Пусть ищет, прокормим! Просто взяла и удвоила сумму еженедельного пособия, аккуратно выдаваемого по вторникам. Щедрого, надо сказать, пособия. Еще и посмеивалась потом с удовольствием, пересказывая старый анекдот – передайте Ильичу, нам и это по плечу...

Ну как в этот очередной вторник она могла новые туфли не надеть, чтобы маме приятное сделать, чтобы хоть как-то уменьшить неловкость за это двойное денежное пособие, пусть и физическими страданиями? Обязана просто была, если уж в модное сожительство с бойфрендом Кириллом так опрометчиво вляпалась. Нет, что ни говори, а странные нынче веяния молодой жизни пошли – чтоб у каждой уважающей себя девицы бойфренд-сожитель имелся... А мама чего? Она для дочери старается, чтоб от веяний, не дай бог, не отстала.

О-о-о... Вот наконец и родной подъезд. Еще немного, еще чуть-чуть, лишь подняться на шестой этаж, вдавить палец в кнопку звонка...

– Ты чего так долго? Хоть бы предупредила, что ли... – недовольно пробурчал Кирюша, поворачиваясь к ней голой, невообразимо красивой мускулистой спиной и уходя в глубь квартиры.

– А сам догадаться не мог? Ты же знаешь, я к маме ез-

дила! Сегодня вторник, между прочим! – невольно огрызнулась она, падая на мягкий пуфик в прихожей и стаскивая с ног ненавистные оковы. – Еще и туфли новые пришлось надеть...

– А чего, классные туфли! – полуобернулся он от двери. – У тебя в них ноги длинными кажутся!

– Вот сам бы и попробовал... Кажутся, не кажутся... Я чуть не умерла, целый день в них проковыляла!

– Ладно, не ворчи. Лучше пожрать сообрази чего-нибудь. Я голодный.

Ах, пожра-ать... Вот так, значит! Голодный, надо же! Путь к сердцу мужчины лежит через желудок! А к ее сердцу, значит, и путей пролагать необязательно? Хоть бы для приличия поцеловал в щеку...

– Кир, там же в холодильнике борщ есть...

– Уже нет. Я его съел.

– Всю кастрюлю?!

– Нет! Кастрюлю оставил! Или с голодухи кастрюлю тоже надо было разгрызть?

Ох многовато получилось сарказма. Не в пропорцию. Не в тему. Наверное, и сам на фоне ее молчания свой косяк почувял, спросил уже более миролюбиво, с доброй телячьей интонацией в голосе:

– Как там Татьяна Семеновна? Она, кстати, звонила днем, спрашивала, почему твой мобильник отключен...

– А то мама не знает, почему он отключен! Я ж на лекции

сидела!

– Ну, я так ей и сказал... Классная у тебя все-таки мать, Санька. Повезло тебе. Ты даже и сама, по-моему, толком не представляешь, как тебе с матерью повезло!

Кирюша вздохнул, на выдохе по-сиротски опустил плечи, глянул на нее преданно, расслабленно, с завистливой тоской. Вот бы мама такой искренней уважухе порадовалась! Хотя... Было что-то неприятное в этой его искренности. Ладно бы парень и впрямь сиротой был, а так... При живых и здравствующих родителях, проживающих свою трудную малозарплатную жизнь в забытом богом поселке Сергеевка, что находится в трех часах езды на электричке...

А с другой стороны, жалко его. И впрямь, чего ему в этой Сергеевке делать? Работы нет, занять себя нечем. А здесь он в поиске. Здесь, в городе, возможностей больше. Опять же, какая-никакая, а ячейка общества у них образуется, хоть и в зародыше. И вообще... Борща ей жалко, что ли?

– Я сейчас, Кирюш... Посижу немного и ужин сотворю. Отбивные будешь?

– Буду.

– Тогда достань пакет из холодильника, сунь в микроволновку, чтоб разморозились. А на гарнир что? Гречку или макароны?

– Не, я гречку не люблю. Макароны давай.

– Отлично. Будут тебе макароны. А который час, Кирюш?

– Так десять уже вроде... Слышишь, по телевизору

«Стройка любви» начинается? Ладно, я смотреть пошел...

Она в который уже раз тихо изумилась этому странному, образовавшемуся в последнее время пристрастию. Откуда у двадцатипятилетнего парня, в общем неглупого, взялся почти маниакальный интерес к пресловутому, всем уже набившему оскомину реалити-шоу? Вон даже звук погромче сделал, упал в кресло перед телевизором, теперь его полтора часа от него за уши не оттянешь... Чудны дела твои, господин... Хотя, как мама говорит, пусть лучше «Стройку любви» смотрит, чем пьет, курит и с чужими бабами шарахается. Одна маленькая глупая страсть трех больших и пагубных стоит. Что ж, пусть...

Поднявшись с пуфика, она тяжело прошлепала босыми, еще не отошедшими от тяжелых оков ступнями на кухню. Так и есть, полна коробушка-раковина грязной посудой! Поскандалить, что ли? А впрочем, бесполезно. Если даже артобстрел в квартире начнется, все равно внимания не обратит. Тем более там, в телевизоре, судя по звукам, свой очередной скандал назревает. Какая-то девица орет, как потерпевшая, и звон разбитого стекла слышен, и такое частое характерное «пиканье» пошло, что уже и слов не разобрать...

Ничего, спишем поздний ужин и мытье посуды на тяжелую женскую долю. Как мама говорит: а как ты хотела, с мужиком жить да маникюра не попортить? Не станешь же ей возражать, что ничего такого она, в сущности, так уж сильно и не хотела... Ни мужика, ни маникюра, ни каблучков с копы-

тами... Но кто же в своей жизни только собственными хотениями руководствуется? Все как надо, так и живут...

Да, так и живут. Как надо. Помнится, в детстве ей это самое «надо» представлялось веревочной лесенкой, спущенной откуда-то сверху. Хочешь не хочешь, а карабкайся. И страшно, и ноги соскальзывают, и руки от напряжения болят. И спуститься вниз еще страшнее. Лучше уж наверх... А что там, наверху, непонятно. Хотя чего непонятно-то? Там, как говорила мама, все жизненные достижения: хороший школьный аттестат, поступление в престижный институт, приличная денежная работа и полное семейное благополучие – чтобы муж не абы какой плюгавенький достался, а всем на зависть, молодец-красавец, чтобы были семейный уют да любовь. Достижение при ее внешности, прямо скажем, очень сомнительное... Но опять же слышится снизу, с земли мамино твердо-оптимистическое – прочь сомнения на этот счет, доча! Лезь вперед и вверх! Подумаешь, внешнестью не удалась! Нестрашно! Передайте Ильичу – нам и это по плечу!

Хмыкнув, она в последний раз шмякнула молотком по распластанной на разделочной доске отбивной, подняла голову, глянула на свое отражение в темном от подступивших сумерек окне. Ох-х-х... Если не знать, что это ее собственная хмурая рожа из окна взглядывает, можно и руками взмахнуть от испуга – чур меня, чур... Недаром мама ее всегда остерегает – не забывай про лицо, доча! Брови низко не

опускай, губы до твердости не сжимай и за взглядом следи – так, мол, иногда на людей смотришь, будто укусить хочешь. Не расслабляйся! Никому ж не докажешь, что у тебя природное расположение мышц на лице такое... Будто ты не девушка из приличной семьи, а мексиканская бандитка-рецидивистка. А потом еще и вздыхала сочувственно: и угораздило же меня, доча, тебя при рождении Сантаной назвать...

Да уж, угораздило. С этим не поспоришь. Злую шутку сыграл с мамой сериал «Санта-Барбара»: очень уж сильно увлеклась его сюжетом, когда с пузом ходила. Говорит. отвлекалась... Помогали, говорит, американские страсти собственную семейную неопределенность пережить. А заключалась эта неопределенность в ожидании вестей от папы – студента-историка, присланного в деревню, где жила молоденькая мама, как водится, на осеннюю уборку картошки. Познакомились они в клубе, на деревенских танцульках, мама его сама там и приглядела. Сама подошла, на танец пригласила, обаяла местным говорком да фольклором... Надо полагать, бойкая была девица. А папа – книжный тюфяк в очках. Про таких теперь говорят – ботаник. Но тем не менее ребеночка таки умудрился ей заделать...

В общем, пережила мама свою беременную неопределенность довольно благополучно. За зиму папа от испуга отошел, совестью расчувствовался, по весне приехал, отношения официально оформил. А сериальные страсти все равно мимо родительских отношений не прошли – досталось ей от

них в наследство это дурацкое имечко: Сантана. Была такая мексиканка-героиня в сериале – больше всего ей мама сочувствовала. То ли она бедная-разнесчастная была, то ли ребеночка у нее украли... Теперь уж неважно. Да и не в этом, собственно, вся трагедия. Не в мексиканском имени как таковом.

Три года об этой трагедии никто и не догадывался. Жили и жили себе они с мамой в деревне, под крылом у бабушки. Отец приезжал в выходные, пока в институте учился, потом распределение получил, стали они с мамой планы строить... Ему на новом месте, как человеку семейному, комнатку в общежитии посулили. Стали собираться потихоньку. Вот тут и раскрылась трагедия. Три года назад нерадивая служащая в сельсовете тогда при регистрации ребеночка по имени Сантана Семенова взяла да забыла вписать в имени на свидетельстве о рождении первую букву «н»... По невнимательности, конечно. А получился ужас. Выходит, не Сантаной ребенка назвали, а Сатаной...

Бабушка Анна, как ошибку заметила, так и осела на пол. Заголосила, на маму чуть не с кулаками набросилась: не могла ребенку нормального имени придумать! А мама и сама испугалась, подхватила у нее из рук это свидетельство да побежала со всех ног в сельсовет, скандал там от всей души закатила. Свидетельство, конечно, новое выписали, но тут уж бабушка Анна испугалась: не отпущу, говорит, от себя внучку, пока прощение за нее не вымолю... Вы, говорит, там, в

городе, засуетитесь и лоб лишний раз не перекрестите, а я ее каждый день буду в церковь водить... Пусть хоть до школы около меня живет, разнесчастливая! Отмолю ее как смогу...

Так она и провела свое детство в деревне, у бабушки Анны. Мать с отцом приезжали часто, подарками задаривали. Платья, игрушки, обновки всякие валом валили. Только, как бабушка говаривала, все было девчонке не впрок. Неказистой росла, нескладной, лицо смуглое, черты резкие, грубоватые, и волосы на голове черные, жесткие, как конская грива. Одно слово – мексиканка. Если похуже не назвать – тем самым нечаянным именем...

К семи годам мать ее забрала. Бабушка Анна к тому времени прихварывать начала, отпустила с миром. Но с матери слово взяла: чтоб остерегала девчонку от плохого, приглядывала да направляла на путь истинный. С тех пор мама изо всех сил и старается – и приглядывает, и направляет, только что впереди не бежит, чтоб расчистить для нее этот путь. То есть, по ее разумению, сытый, благополучный, с устроенной личной жизнью. И с ее нескладностью все время воюет. В детстве бальными танцами насилывала, потом тренажерами да диетой, даже в модельную школу пыталась определить. И все время внушала, пока в привычку не вошло: следи за лицом, Саня! Смотришь на человека – тяни брови вверх и улыбайся приветливо, иначе перепугаешь насмерть...

И в самом деле – взгляд у нее из-под опущенных бровей еще тот. Как сейчас в оконном отражении, когда расслаби-

лась. А если брови чуть приподнять, шею вытянуть, щеки полуулыбкой напрячь – вроде и на человека похожа... И в тренажерный зал давно дорожка протоптана, и мясо с конфетами уже и забыла, когда в последний раз лопала... Ать-два, спину выпрямили, грудь вперед, плечи назад... Нет, вполне ничего. Нельзя, нельзя расслабляться. Надо хвататься за очередную веревочку-перекладинку и лезть туда, наверх...

Правда, ей снилось иногда совершенно обратное: как она с этой веревочной лестницы вниз спускается. Прыгает на землю, прямо на зеленый луг. И идет по нему. Долго идет. А потом почему-то траву косит... Странно – сроду она этой травы не косила! Как бабушка Анна умерла десять лет назад, больше и не бывала ни разу в деревне. А там, во сне, так явственно виделось, как блестит на солнце источенное камнем острие, как валится от сильного взмаха руки густая трава – розовые головки клевера, упругие метелки хвоща, белые лапки полевой гречухи, сиреневые – люцерны... И главное, названия трав она откуда-то знает! Вот разбуди ее и спроси – откуда? И не ответит...

– Сань, ну скоро там? – донесся нетерпеливый голос Кирилла, и она вздрогнула, тут же обнаружив, что на сковородке медленно подгорает отбивная.

Вздрогнула, засуетилась. Перевернула отбивную, сняла кастрюлю с макаронами, поволокла к мойке, ища взглядом дуршлаг. Сейчас, сейчас. Макароны надо еще на масле поджарить – Кирилл любит, чтоб они еще и прожаренные были.

– Еще пять минут, Кириуш... – Заглянула из кухни в комнату, невольно задержавшись в дверях. Слишком уж картинка глазу приятная открылась.

Сидит себе красавец, развалился в кресле перед телевизором. Руки-ноги гладкие, мускулистые, на животе кубики мышц, добытые в поту на тренажере. Лицо расслабленное, но взгляд внимательный, напряженный. А на экране бурное действие происходит, вроде даже драка какая-то. Ну, драка. Ну, орут... Чего уж так взглядом-то напрягаться? Они там все время орут. Иногда ей казалось, что он живет с ними там, в телевизоре. Сунь его туда – тоже впишется. И тоже будет орать и драться.

– Что? – нехотя повернул он красивую голову в ее сторону.

– Через пять минут, говорю!

– А... Ладно. Не мешай, тут самое интересное началось...

Перекинул одну ногу на другую, подтянул к себе за щиколотку. Даже такое немудреное движение у него красиво получается, с ленивой мужской грацией. И сам весь красивый, от макушки до пяток. И мама от него в восторге...

Вообще у мамы относительно мужской красоты своя философия сложилась, довольно странная. Мол, держать около себя красивого мужика – это просто занятие такое приятное, это украшение жизни, не более того. Как она говорила, жизнь теперь так устроена, что поделаешь? Бабы везде рулят. Главное – за этот руль правильно ухватиться. А остальное, в том числе украшение, само собой приложится. И ес-

ли не психовать, а принять новые правила как данность, то вот оно, семейное счастье, возьми его на тарелочке с голубой каемочкой. Однажды у них по этому поводу очень даже интересный разговор получился...

– ...Мам, а папу ты тоже около себя ради «красоты» держала, так, получается?

– Ну, скажешь тоже! Нашла красоту! Да на него ж относительно красоты без слез не взглянешь! Нет, с папой – это другая песня... Я его, сволочугу, за другие украшения жизни ценила...

– Это за какие?

– Ну, как сказать... За воспитание, за вежливость... Это, между прочим, тоже красота, только другого рода. Может, и лучше даже, чем красота внешняя. А что, разве я не права, доча? Ты же знаешь, какая я с рынка домой прихожу! Злая, как черт. Наорешься там, накувыркаешься, придешь домой, а там – тихая вежливость за столом сидит, бумажки свои архивные перебирает... Глянешь – сердце гордостью наполняется. Копейки не заработает, зато шибко интеллигентный. В моем бизнесе, сама знаешь, интеллигентов не водится, все сплошь одни барыги да бандюки бывшие, а дома – такая тихая красота сидит! Чистенькая, молчаливая, в белой рубашечке...

– Не знаю, мам... По-моему, это даже несколько обидно звучит.

– Да почему ж обидно-то? Ты мне это брось – обидно! Ты

реальностью лучше живи, учись, на ноги вставай, а потом бери себе все, что захочешь! Хоть красивого лицом, хоть душой... По крайней мере знаешь, для чего вкалываешь. А то сейчас многие бабы растерялись, требуют от мужиков незнамо чего. А они все нынче на один манер слеплены – если красивый, то лентяй, если вежливый да душевный, то нищий. Выбор невелик, доча. Главное, надо в нем определиться да вовремя схватить себе хорошее украшательство. Любая женщина это может. Даже которая и не особо с лица удалась...

Да. С лица не удалась – это мама ее имеет в виду, конечно. Правда, не удалась. Но жить все равно как-то надо, и по веревочной лестнице вверх карабкаться надо! Может, мама и права относительно того, что украшения для жизни надо самой придумывать... Вот как она себе Кирюшу придумала, например.

Хотя, если уж быть до конца честной, это мама ей Кирюшу придумала. То есть к рукам прибрала. Ходил парень по рынку, работу себе искал и довольно удачно набрел на мамин магазинчик. Она его взяла для начала грузчиком... Пригляделась-присмотрелась, потом на день рождения домой пригласила... Она и опомниться не успела, как оказалась с Кирюшей тут, в бабушкиной квартире. А квартира-то, между прочим, отцовская – бабушкино наследство. Но это надо маму знать – заставила-таки отца при разводе переписать квартиру на нее. Раз, мол, ты, сволочуга, решил из семьи уйти, то и квартиру дочери оставь, не грехи... А на отца надавить –

раз плюнуть. Он и настаивать не стал, все бросил. Видно, неумоготу стало жить украшением маминой жизни. Ладно, лучше этой темы не касаться, иначе настроение совсем испортится. Пойдем-ка мы лучше свое украшение отбивными кормить...

Поставив на столик перед Кирюшей поднос с едой, она присела на подлокотник кресла, положила руку на его мускулистое предплечье. Но мускулистое предплечье дернулось недовольно, и будто пробежала по руке колкая, идущая от него неприязнь. Обидеться, что ли? А впрочем, не стоит... Кирюшу вообще лучше не трогать, когда он свое дурацкое реалити-шоу смотрит. Ладно, спишем на страстность увлечения... Заодно и поглядим, чего он там такого углядел?

На экране происходило что-то вроде общей сходки. Молодые ребята и девчонки сидели по кругу, отвечали на вопросы белокурой красавицы ведущей. Слово взяла жгучая брюнетка с вывалившейся из декольте грудью. Поджав силиконовые губки, проговорила капризно:

– Нет, я не хочу такого к себе отношения! Не хочу! Он все время требует, чтобы я ему борщи варила и котлеты жарила, а я не хочу! Я сюда пришла любовь строить, а не у плиты стоять!

– Что ж, твои претензии вполне понятны, Танечка... – глубокомысленно изрекла ведущая, тоже поджимая губки. – На нашем реалити-шоу люди действительно строят свою любовь...

Тихо хмыкнув, она чуть склонилась, глядя Кирюше в лицо и ожидая увидеть на нем чего-нибудь соответствующее своему хмыканию: саркастическую улыбку, например. Нет, зря надеялась... Не было на лице у Кирюши никакого сарказма. Была лишь полная вовлеченность в происходящий на экране дурной диалог.

– ...И на сегодня это все! – тем временем жизнерадостно изрекла ведущая. – С вами был телепроект «Стройка любви» – построй свою любовь!

Кирюша вздохнул так радостно, будто сбросил с себя тяжкий груз. Прогнул спину, потянулся, с удовольствием оглядел еду на подносе.

– Кирюш... Ну вот объясни, может, я не понимаю чего... Неужели тебе и впрямь интересно на это смотреть?

Он глянул на нее расслабленно, улыбнулся слегка. Потом снисходительно произнес:

– Да при чем здесь интерес, Сань? Хотя, вообще, да... Мне интересно... Интересно смотреть, как умные люди в жизнь пробиваются. Ты думаешь, они там все дураки, что ли? Им же за это немалые деньги платят! А хавчик у них какой, ты видела?

– Нет... А какой?

– Клевый и бесплатный, вот какой! И житуха на свежем воздухе! Целый день только и делают, что лапают друг друга да в бассейне купаются.

– Хм... А им что, не скучно... целый день друг друга ла-

пать?

– Ладно, не остри. Думаешь, так легко попасть в телевизор? Ты знаешь, какую они потом себе карьеру делают?

– А... Если в этом смысле... А какую карьеру, Кирюш?

– А такую! К ним потом, после телевизора, все относятся как к звездам! А главное – не за что! И работу непыльную найти запросто можно. Деньги платят за то, чтоб только свою рожу на работе показывали!

– Кирюш, но это же скучно... Ходить на работу, чтоб за рожу платили... Даже несколько унизительно...

– Чего ты заладила – скучно, скучно! Мне, например, ни-сколько не скучно! Это жизнь, Саня, жизнь... Дураки работают, умные в ящике сидят и ни за что деньги получают...

– Да... Вот так и поверишь прилепинскому Саньке – в ящике бесы сидят... – тихо произнесла она, скорее для самой себя, чем для Кирюши.

Однако сумел-таки Кирюша уловить в ее голосе что-то для себя обидное. Отхватив зубами от отбивной порядочный кусок, он невнятно проговорил, пережевывая:

– Это про какого ты Саньку сейчас говоришь? Вот про этого, что ли?

Небрежный кивок в сторону, на диван, где лежит книга – яркое пятно обложки на фоне мохнатого белого пледа. Захар Прилепин. «Санька». Когда покупала, название привлекло. Тезка все-таки. Только вчера закончила читать.

– Да, Кирюш. Про этого. Не читал?

– Да делать мне нечего... Как будто для мужика других занятий не найдется. Кстати, я вот спросить хотел... Чего она так смешно называется, твоя книга? Почему «Санька»? Опечатка, что ли?

– Нет, Кирюш, это не опечатка.

– Тогда почему?

– Ну, долго рассказывать...

– Да и не надо. А кто он вообще такой, этот Санька?

– Он... Он нацбол.

– Это что, спортсмен, что ли?

– Нет. Национал-большевик.

– У-у-у...

Ох, каким ледяным ветерком просквозило это насмешливое Кирюшино «у-у-у»! Так на него разозлилась! Понимал бы чего, любитель халявного хавчика! Еще немного, и не сдержалась бы, схватила тарелку и вывалила макароны ему на голову... А что, примерно такой же гневный приступ у прилепинского Саньки и случился. Только эти макароны, которые на тарелке, свежие, а у Саньки под рукой прокисшие были. И не на Кирюшину голову он их вывалить собирался, а в лоснящуюся чиновничью морду в телевизоре.

Выдохнула, и раздражение улеглось. Бог с ним, с Кирюшей. Украшение – оно и есть украшение, чего с него возьмешь. Что делать, если жизнь преподнесла ей Кирюшу, а не такого вот Саньку? И вообще... Где вы живете-ходите, Саньки, простые парни с умными и тонкими лицами, беспокой-

ные ребята с обостренным чувством справедливости, живущие в стране, где все хорошо только в телевизоре...

А может, взять и плюнуть на мамину философию относительно всяких там украшений? И действительно, макароны на голову...

Нет. Не надо. Не надо злиться на Кирюшу. Вообще злиться не надо. Она не должна быть злой. Она должна быть доброй. Бабушка Анна всегда говорила: ей надо обязательно быть доброй, и дела делать добрые, и молиться за спасение души. Может, и сон про то, как она траву косит, какой-то особенный смысл в себе несет? Предупреждающий? Вроде того – сидит в тебе так зло, как смерть с косой...

– Сань... Са-а-ань... – пробился сквозь налетевшие мысли Кирюшин голос. – Очнись, что с тобой? Чего ты вдруг напряглась?

– Я? Я не напряглась...

– Не слышишь? По-моему, твой мобильник где-то надрывается...

– Где?

– Да откуда я знаю?! В сумке, наверное.

– Да, в сумке. Конечно, в сумке. Я его не доставала, когда пришла.

– Так иди, достань!

– Ага. Сейчас.

– Странная ты какая-то, Сань... Особенно к вечеру ты начинаешь напрягаться. Может, от диеты? Говорят, нельзя

мозгам еды не давать...

Он вознамерился было порассуждать на эту тему, с аппетитом накручивая макароны на вилку и одновременно пытаясь прицепить к ней кусок мяса, но не успел. Вернувшись из прихожей в комнату с мобильником около уха, она взмахнула упреждающе рукой – помолчи, мол. Не донеся вождь-ленную макаронно-мясную композицию до рта, он застыл со вздернутым вверх подбородком, а в глазах читался испуганный вопрос – кто?

– Папа... – произнесла она едва слышно.

– А... – тут же расслабился Кирилл с обидной насмешливостью. И быстро ухватил ртом свою композицию, боясь, что кусок отбивной не удержится на вилке. Ей показалось, даже зубами лязгнул.

Повернувшись, она ушла с телефоном на кухню. Не хотелось разговаривать с отцом на фоне этой обидной насмешливости. Нет, что этот халявный бойфренд себе позволяет? Наслушался от мамы всяких гадостей про отца и старается теперь, демонстрирует свою сопричастность. За отбивную с макаронами и вашим и нашим за копеечку спляшем! Нет, чего она опять про макароны, дались они ей...

– Ты где, Санечка? Пропала куда-то... – растерянно проговорил отец.

– Да здесь я, пап! Здравствуй!

– Здравствуй, Санечка. Как у тебя дела? Что нового?

– Да ничего... Все то же, все те же... Сессия скоро, кол-

локвиум сегодня по информатике был...

– Ну, это хорошо, когда все то же и все те же. Значит, спокойно живешь. Хорошо. Я рад.

– А у тебя как дела, пап?

– Ну... В общем тоже... По-всякому...

Ага. Тоже. По-всякому. А голос грустный. И пауза образовалась какая-то тягучая, будто им больше и сказать друг другу нечего. Странно, вроде, наоборот, голос должен счастливым быть. Молодожен все-таки, не абы как. Вот вздохнул длинно... Сейчас спросит, как там мама...

– Ну, как там мама, Санечка? Успокоилась немного?

Вот что, что ему на это ответишь? Может, стихотворение прочитать про то, что «покой нам только снится» и что «летит, летит степная кобылица и мнет ковыль»? Так летит и так мнет, что от того ковыля только седая труха по полю стелется?

– Нет, пап, не успокоилась. Ты же знаешь маму, по-прежнему рвет и мечет. Чем дальше, тем больше.

Вообще, мог бы и не спрашивать! Наверняка и самому не хочется копаться в подробностях маминых желчных выплесков. А как он хотел? Может, какая другая женщина и плюнула бы на коварное мужнее предательство, и поплакала бы ночами в подушку и впрямь быстренько успокоилась, но в отношении мамы такая формула не прокатит... Ее обида так горяча и страстна, что ей все время круг сочувствующих требуется. Вон даже Кирилла в этот круг втянула. Надо отдать

должное: Кирилл оказался весьма и весьма благодарным слушателем и с неподдельной искренностью отзывался на мамины «...молилась на него, как на икону», «...всегда сытый ходил, ухоженный, одет с иголочки», «...как лошадь пахала, а он копейки лишней в дом не принес». Апогеем каждого случившегося выплеска было мамино коронное: «...Бог видит, кто кого обидит! Его же предательство ему боком и выйдет! Пусть, пусть поживет с неприкрытой задницей на свою копеечную зарплату!»

Видимо, чтобы ускорить процесс возмездия, мама недюжинные силы потратила на то, чтобы пошустрее организовать отцу эту «неприкрытую задницу». То есть даже пресловутой зубной щетки не разрешила с собой взять. Вообще ничего. Даже бабушкино наследство – вот эту квартиру – заставила на нее переписать. И попробовал бы кто ей возразить...

– Может, завтра заглянешь к нам, Сань? Я соскучился. Катя пирог испечет...

– Загляну, пап. Конечно. Ты когда с работы придешь?

– Часиков в шесть.

– Ну, так и я к шести приду. Договорились?

– Ага.

– Тогда пока?

– Пока, Сань.

– Кате привет передавай.

– Передам, Сань...

Отец первым нажал на кнопку отбоя, и торопливые гудки

растревожили еще больше: а ну как мама об этих Катиных пирогах-приветах узнает? Хотя откуда... Кирилл их разговора не слышал...

Мобильник глухо звякнул о пластиковый подоконник, она отступила на шаг, снова уставилась на свое отражение в оконном стекле. Некрасивое. Хмурое. С печально опущенными вниз уголками губ. Моя ты сирота...

Странно, откуда опять взялось это ощущение сиротства? Слезное, сладкое, как успокаивающая пилюля. Защитная реакция организма. Вы, мол, сами там со своими отношениями разбирайтесь, а меня в них не впутывайте, не трогайте мое щенячье чувство вины... Наверное, каждый ребенок, каким бы взрослым он ни был, в момент родительского развода ощущает себя сиротой. А может, она всегда это неприкаянное сиротство в себе чуяла, только до конца его природу не понимала?

А кто может понять и принять сиротство в полной и во всех отношениях благополучной семье? Все же было стабильно, все по сценарию расписано. У каждого своя зона ответственности. Мама за материальную сторону отвечает, папа – за духовную... Чем плохо, если не брать в расчет пресловутый ролевой перевертыш? Живи себе, купайся в гармонии.

Однако не было, не было никакой гармонии, как ни горько сейчас это сознавать. Продувал их семью сквознячок отчуждения, которое родилось из маминой слепой самонаде-

янной властности, из отцовского тайного, но иногда кожей осязаемого презрения к этой властности. Ей казалось, что это презрение, направленное на мать, и ее достает рикошетом... Бедные, бедные родители. Сироты. И она сирота...

Резко вздохнула, и вздох получился прерывистым, будто плакать собралась. Вот будет смешно – стоит у окна хмурая дылда, а по щекам слезы текут. Еще не хватало, чтобы Кирюша увидел. Придется же ему объяснять, что к чему... Вот уж он поизгаляется! Обязательно скажет что-нибудь типа: при такой-то маме и сирота! А может, он и прав...

Конечно же, прав. Никакая она не сирота. Все ее чувства просто блажь. Нет, не надо плакать. Лучше сотворит-ка она для Кирюши чаю... И сама попьет!

Выйдя из кухни с чайным подносом, она остановилась в недоумении, глядя на экран телевизора. О боже, что это? Действие второе, все те же лица...

– Кирюш! Это что же, опять «Стройка любви» идет?!

– Ну да... Это ночной выпуск уже пошел...

– А разве и ночной выпуск тоже есть?

– Ага.

– И утренний?!

– Нет, утреннего нет... Дневной только... Отстань, а? Не мешай смотреть!

– А я чаю тебе принесла...

– Ага, хорошо. Садись, посмотри, чего этот фрик вытворяет! Оборжаться же можно! Нет, ты посмотри, посмотри!

Непонятного вида юноша, которого Кирюша обозвал фриком, и в самом деле вроде как был не в себе. Махал руками, сверкал глазами, смешно пыхтел и раздувал ноздри, выкрикивая в лицо плачущей прямо в камеру девушке:

– Это ты мои презервативы украла! Я понял, что это ты! Я знаю, зачем ты их украла! Ты после этого уже не моя девушка, потому что ты просто падшая женщина!

– О, боже... – тихо проговорила она, взявшись ладонью за щеку и косясь на хохочущего Кирилла. – Зачем ты это смотришь, и вообще это не смешно...

Тем временем девушка, уже достаточно наплакавшись, пошла в атаку. Подбежав к столу, схватила лежащий на нем ноутбук и со всей силы бабахнула им об стену. Юноша замер на петушином вскрике, кинулся к ней с кулаками, и парочка начала драться. И неизвестно, чем бы все это закончилось, если б не возникшая на экране новая картинка – на этот раз камера выдала во весь экран спокойное улыбающееся лицо той самой белокурой ведущей, давеча одобрявшей возмущение некой Танечки относительно требований по приготовлению борща и котлет. И голосок у нее довольно приятный, журчит, как ласковый ручеек:

– ...Если ты смотришь наш телепроект и хочешь стать его участником, приходи на кастинг, покажи себя! А также ты можешь отправить свою анкету на наш сайт! Приходи, построй свою любовь, мы ждем тебя!

– Ага, сейчас... Все бросим и побежим к тебе любовь

строить! Прямо коленки в кровь расшибем! – подражая ведущей, смешно прокомментировала она ее жизнерадостный голосок, одновременно косясь на Кирилла и будто приглашая его вместе с ней посмеяться.

Он глянул на нее коротко, будто слегка досадуя. Потом пробурчал недовольно:

– Ты думаешь, это так, на раз-два, что ли? Даже на кастинг попасть непросто, а уж чтобы на проект...

– А ты что, пробовал? Может, и ты туда хочешь?

Спросила и засмеялась: сама постановка вопросов уже показалась очень смешной. Отчего-то представилось, как машет Кирюша руками в телевизоре, горюя об утраченных презервативах...

Кирюша не смеялся. Сидел, напрягшись, нервно дрожал коленкой, уставившись в экран телевизора. Потом повернул голову, глянул в глаза... Ох, лучше бы не глядел: так и загорелись они злобой и обидой. Чего это с ним? Смотрит так, будто она над святыней глумится. Хорошо хоть передача закончилась, сразу какой-то фильм начался.

– Ладно, давай спать...

Сказал, будто обиду в себя проглотил. Вон, даже кадыком дернул. Вылез из кресла, кинул через плечо, направляясь в сторону ванной:

– Я в душ...

Точно, обиделся. Ой, да и ладно. Что она такого сказала? Лучше бы посуду помыть вызвался... Ему можно зав-

тра спать и спать, а у нее с утра три пары... И консультация по курсовой. А потом еще к отцу на другой конец города ехать...

Дверь в квартиру, где теперь жил отец, можно было снять в фильмах про доперестроечную советскую жизнь, такой она была фактурной, обшарпанной, пухло-дерматиновой, с блестящими глазками медных гвоздиков. Пойди еще поищи где-нибудь такую дверь. И сам подъезд не лучше: стены выкрашены синей краской, местами облупившейся, и кошками воняет, и сырым сквозняком из подвала несет... Как тут вообще можно жить, в такой тоске? А если выразаться как участники реалити-шоу – как тут свою любовь строить? Разве что борщи с котлетами каждый день друг другу готовить...

Ладно, оставим свои смешки за дверью. Если отец такие условия для жизни выбрал, значит, и впрямь влюбился. Разглядел что-то в серой мышке, которую Катей зовут. Ладно, Катя так Катя. Вон, шлепает к двери, спешит... Давай, милая, спеши, встречай гостью...

– Здравствуйте, Санечка! Проходите, мы вас ждем... Папа вниз, в булочную спустился, сейчас придет... Хватились, а дома хлеба ни крошки...

Простите, как это хлеба ни крошки? А где обещанные пи-

роги? Отец давеча, когда в гости зазывал, пироги обещал!

– Ой, да не надо кроссовки снимать, Санечка, у нас все равно не убрано! Проходите в комнату, я пойду чайник поставлю!

Так. У них, значит, еще и не убрано. И хлеба нет. И вообще, сам воздух в жилище какой-то тяжелый, даже как будто печальный. Да и вид у Кати странный, будто она слегка запылилась. Голова нечесана, старая шаль на плечах, в которую она кутается, как бабка. А отпрыск Катин где, пятилетний Тимофей? С отцом за хлебом пошел?

Сев на продавленный диван, она обвела взглядом комнату. Да уж... Не убрано, говоришь? Ну, это еще мягко сказано... Хотя тут, похоже, и самая тщательная уборка привычного интерьера не изменит. Жесткая аскеза, а не интерьер. Шкаф, стол, диван, детская кроватка в углу. А остальное пространство – полки с книгами. Жилище витающей в облаках интеллектуалки. Как она умудрилась при всем при этом еще и ребеночка себе родить? А потом и приличного мужика из семьи увести? Загадка, как есть загадка...

Фу, какие мысли злобные родились! Чего она напала на бедную женщину? Ревнует, что ли? Да отцу, между прочим, только такая и нужна, чтоб интеллектуалка, чтоб полки с книгами... Может, он о такой всю жизнь и мечтал? Если бы не согрешил тогда в студенчестве, на картошке, прожил бы всю жизнь с такой вот Катей и счастлив был...

Катя тихо вошла в комнату, кутаясь в свою шаль, села ря-

дом, тускло проговорила:

– Сейчас вскипит... Только вы извините меня, Санечка, у нас к чаю ничего нет... Ну, кроме батона, конечно, за которым Ленечка в булочную побежал...

Ага. Значит, отец здесь в Ленечках живет. А мама его всегда торжественно Леонидом величала. «Леонид, тебя к телефону!» Или: «Как думаешь, Леонид, не замахнуться ли нам на покупку новой машины?» И звучало это куда более весомо, чем «Ленечка». По крайней мере, весомее, чем «Ленечка в булочную за батонem побежал»...

Вот опять она ревнует. Ей-то какое дело, как его здесь называют? Может, у Кати привычка такая – всех уменьшительными именами называть?

– А может, вы голодны, Санечка? Я могу картошки пожарить. Хотя масла нет... Но ведь ее можно и сварить, правда?

Ох, что-то совсем умирающий голос у этой Кати. Вроде виноватый, но в то же время замороженный, равнодушный. И сама она будто умирающая. Болеет, что ли?

– Спасибо, Кать. Я не голодна. А вы что, плохо себя чувствуете?

Катя ничего не ответила, только склонила ниже голову, мотнула русыми, свисающими вдоль щек прядями. Потянув к лицу бледную ладонь, зажала пальцами нос, снова потрясла волосами. Чего это с ней? Будто с трудом рыдания сдерживает...

– У вас что-то случилось, Кать? – спросила осторожно,

тронув за плечо.

Катино плечо подрагивало мелко, даже сквозь толстую шаль ощущалось, каким оно было напряженным.

– Что, Катя? – почти выкрикнула она, пытаясь развернуть ее к себе. – Говорите! Что-то с папой случилось, да?

– Нет, Санечка, нет... – испуганно подняла на нее мокрые глаза Катя. – С Ленечкой все в порядке... Да он сейчас придет, сами увидите... Вы простите меня, я сама не своя сегодня, ничего не соображаю! Ночь не спала, потом весь день в больнице, потом по фондам с Ленечкой ездили...

– По каким фондам? И почему в больнице? Кто у вас в больнице?

– Ти... Тимоша в больнице... В реанимации...

Она слезно и коротко вздохнула, будто икнула, и тут же зажала себе рот ладошкой, глядя на нее с ужасом. Будто сама своих слов испугалась. Потом отняла ладонь, стала говорить быстро, слегка захлебываясь:

– У него под утро уже приступ случился... Неожиданно так... Давно не было приступа, а тут! Я уже два года спокойно жила, думала, пронесет... И снова – приступ! Слава богу, на улице пробок не было, «Скорая» очень быстро приехала... А если бы днем... Это еще повезло, что под утро...

– Постойте, Катя! Я ничего не понимаю... Что значит два года спокойно жили и почему пронесет? Он что, давно болен?

– Давно, Санечка... С рождения...

– Что-то серьезное, да?

– Да. Редкая врожденная сердечная патология.

– А... Почему не лечили?

– Это не лечится, Санечка. Тут операция нужна. У нас таких операций не делают.

– А где делают?

– В Швейцарии.

– Где?!

– Да, Санечка, да... Мне врачи сказали – если доживет до двенадцати лет, то и здесь уже можно сделать. А пока только в Швейцарии. Вот я и думала, что мы с Тимошей дотянем до его двенадцати... Сами посудите, где я и где Швейцария?

– Странно... А мне Тимофей вполне здоровым пацаном показался...

– Да. Он последний год хорошо себя чувствовал. И я тоже подумала... Расслабилась как-то, знаете ли... Вот, влюбилась даже... Ой, извините, вам неприятно, наверное.

– Да бросьте! Что за глупости! Лучше скажите, что вы делать собираетесь? Надо же как-то попадать в эту Швейцарию! Это очень дорого, да?

– Да. Очень. Но вы не думайте, я готовилась, я все эти годы копила! Хоть и сумма для меня неподъемная, конечно, но я все равно пыталась хоть как-то... Дом бабушкин в деревне продала, жила экономно, вечерами корректурой занималась...

– И все равно не хватает?

– Не хватает.

– А эти фонды, в которые, вы говорите, днем ездили? Там что, не помогли?

– Помогли... Очень хорошо помогли. Как могли. Но все равно не хватает...

– А сколько?

– Пять тысяч.

– Чего? Евро? Долларов?

– Евро.

– Ну, в принципе... Не такие уж большие деньги...

– Большие, Санечка. Когда все резервы исчерпаны, то большие. Мне больше кинуться некуда, все пути закрыты. И родственники отдали все, что могли, и друзья, и просто знакомые.

– А кредиты? Можно же кредит в банке взять!

– Мне не дают, Санечка. У меня зарплата маленькая. И Ленечке тоже сегодня не дали, как он ни просил... Его друзья обещали помочь, поспрашивать у знакомых, кто может занять... Но кто же через третьи руки в долг даст, сами понимаете!

– Да, у папы на кафедре состоятельных знакомых точно не водится. Одни ученые бесребреники, как мама говорила.

При упоминании мамы Катя покосилась на нее испуганно, ей показалось, даже отшатнулась слегка. Помнит, наверное, как мама с ней свирепо отношения выясняла. Хотя чего с этой перепелкой вообще можно выяснять? В обморок упа-

дет, а ответного свирепого слова ни за что не скажет. Игра в одни ворота.

– Можно, конечно, квартиру продать, но это одним днем не сделаешь... – тихо рассуждала Катя, будто сама с собой. – Врачи говорят, надо как можно быстрее...

– А что папа говорит?

– Ленечка? А что он может сказать? Он... переживает, конечно. Сегодня целый день ни на шаг от меня не отходил. Мы и домой-то недавно только пришли, минут двадцать назад. Он вспомнил, что вечером вас в гости позвал, а в доме даже хлеба нет... О, а вот и Ленечка пришел, кажется...

Она будто встrepенулась вся от звука хлопнувшей двери, быстро провела вверх-вниз по лицу ладонями, легко поднявшись с дивана, понеслась в прихожую. Вскоре они вместе с отцом нарисовались в дверях, уставились на нее одинаково виновато.

– Вот, Санечка, такие у нас дела... – тихо проговорил отец, зачем-то поднимая вверх пластиковый пакет-маечку с одиноко болтающимся внутри батоном. – Давайте, девочки, чаю попьем. Очень горячего чаю хочется. Катюшенька, подсуетись...

И опять она, в который уже раз, поразилась произошедшим в отце переменам. Нет, перемены были не во внешности – снаружи перемены как раз были те самые, что ему мама предсказывала – сошли-таки с отца сытый лоск и прежняя ухоженность. Похудел, осунулся, и рубашка на нем несве-

жая... Но все это внешнее казалось не таким уж и страшным на фоне того нового, что в нем появилось. Весь он был другой – в осанке, в манерах... И этот блеск в глазах – блеск отчаянного мужского достоинства. Блеск хозяина своей новой жизни. Пусть и неказистой. А еще в глазах – любовь. Вон как проводил Катю глазами – так и побежал бы за ней, если б она тут не сидела, не стала бы невольным свидетелем их совместного горя. А как он это сказал: «Подсуетись, Катюшенька...» Даже представить себе невозможно, чтобы он маме так же нежно сказал: подсуетись...

– Вот такие у нас дела, доченька... – снова повторил он, присаживаясь рядом с ней на диван.

И замолчал. И она тоже сидела, вся съежившись, чувствуя свою неприкаянность, ненужность присутствия. Было слышно, как звякает на кухне в Катиных руках чайная посуда, как приглушенно, будто прорываясь сквозь стены, звучит фортепианная музыка откуда-то с верхнего этажа.

– Это у Аркадьина играют... Он в консерватории преподает, к нему ученики ходят... – зачем-то пояснил отец, подняв глаза к потолку. Потом сглотнул, дернув кадыком, и так и застыл в этой нелепой позе, с поднятой вверх головой.

– Пап... Ну чего ты? Ну неужели совсем, совсем ничего нельзя сделать? – тихим надсадным шепотом произнесла она.

– Ну что ты, доченька... Не бывает так, чтобы совсем было нельзя. Мы обязательно придумаем что-нибудь. Должны

придумать. Обязательно должны.

– У меня есть дома пятьсот евро, мне мама на подарок Кириллу дала, у него скоро день рождения... Я завтра утром тебе принесу!

– Нет-нет, что ты... – замахал руками отец, уставившись на нее в испуганном изумлении. – Еще не хватало тебя в наши дела впутывать! Тем более это мамины деньги! Нет, не вздумай!

– Ой, да какая разница, чьи это деньги? Главное – результат, а не деньги! А завтра я еще в институте поспрашиваю, может, кто займы даст... Тут главное – собрать, а там посмотрим! Там уже хоть трава не расти! Ничего, пап, прорвемся...

Он поднял на нее глаза – блестящие, влажные от набежавших слез. Сморгнул, растянул губы в дрожащей несчастной улыбке. Потянулся к ее лицу рукой... И застеснялся, отдернул руку, лишь проговорил тихо, сдержанно:

– Спасибо, Санечка, доченька... Я даже и не знал, что... ты можешь быть такой... Прости, не знал...

– Ладно, пап, проехали. Ты знаешь, я чай пить не буду, пойду, поздно уже. Меня Кирилл потерял, наверное. А утром я тебе позвоню, хорошо? Скажу, сколько денег удалось собрать.

– Что ж, иди, ежели торопишься. Так мы с тобой и не поговорили толком...

– Мы поговорили, пап. Все нормально. Держись.

Неловко клюнув его в небритую щеку, встала, торопливо прошла в прихожую. Он понуро побрел за ней, чуть не столкнув в дверях Катю, держащую перед собой поднос с чайником, чашками и тарелочкой с разложенными на ней дольками белого батона.

– Санечка, вы уходите? А как же чай? – Катя жалко вытянула в руках свой поднос.

– В другой раз, Кать. Я тороплюсь.

– Да? Ну, хорошо... Вы заходите, Санечка... Простите, так неловко все получилось...

Ох, она еще и прощения просит! Что за странное существо эта Катя, и откуда она взялась на отцову несчастную голову! Теперь, выходит, и на ее голову тоже! Как говаривала бабушка Анна, не было у бабы забот, так купила порося...

Нескладно попрощавшись, выскочила за дверь, торопливо сбежала вниз по лестнице. Дверь подъезда скрипнула ржавыми петлями, выпустила в нежные июньские сумерки, и шибануло в нос запахом сирени, буйно разросшейся по всему двору. Из окна на четвертом этаже лилась музыка. Наверное, наяривает ученик Аркадьина – того, который в консерватории преподает...

Остановилась, прислушалась, даже захотелось руки подставить под этот музыкальный поток. Нет, зря она сейчас мысленно эту Катю обругала... Жалко ее, конечно. И сына ее жалко, Тимошу. И музыка эта будто для них играет. А теперь и для нее, стало быть.

Прежде чем уйти со двора, оглянулась на дверь подъезда. Надо же... Час назад вошла в нее с легкой душой, а вышла, отягощенная серьезной проблемой... Только что теперь с этим делать, а вдруг ей денег завтра никто не даст?

Автобуса ждать не стала, поймала такси. Открыла своим ключом дверь – прямо под аккомпанемент музыкальной заставки к Кирюшиной любимой передаче. Вон, уже сидит на своем посту перед телевизором, даже головы не повернул.

– Кирилл! Я ужин готовить не буду, устала сегодня! – сердито крикнула из прихожей, скидывая с ног кроссовки.

– Да не суетись, я бутербродов налопался... – миролюбиво откликнулся Кирилл, махнув из-за кресла рукой. – А ты чего опять так поздно, я тебе звонил...

– Прости, я не слышала.

– Что?

– Не слышала, говорю!

– А... Нет, ну надо же быть такой лохушкой, вы только посмотрите на нее...

– Это ты мне?! – Она удивленно застыла в дверях комнаты.

– Да нет! – досадно вытянул он руку в сторону телевизора. – Я вот про эту идиотку говорю! Ты посмотри, посмотри на нее, уже полчаса как в истерике бьется!

– А чего она в ней бьется? Не получилось свою любовь построить?

– Если бы... Ее вот этот, который лысый, только что бро-

сил. Она от него залетела, а он жениться не хочет.

– Почему не хочет?

– Ну ты даешь... – взглянул он на нее насмешливо, на секунду оторвавшись от экрана телевизора. – Если бы все пацаны по залету женились, в паспорте бы страниц на штампы не хватило!

– Так все равно, жалко же девушку...

– А чего ее жалеть? Надо было головой думать. Ее горе, ее проблемы.

– Ну, разве это горе, Кирилл?.. Это не горе...

– А тебе-то откуда знать, где горе, а где не горе? Что ты вообще про горе знаешь? Уж помолчала бы, с такой-то мамой...

– А при чем здесь моя мама?

– При том! Этой дуре из телевизора с ребенком даже податься некуда, у нее такой доброй да обеспеченной мамы нет... Так что ты, милая, сиди и не рассуждай, где горе, а где не горе... А, да что говорить, все равно не поймешь...

Набычившись и сунув в рот зубочистку, он принялся яростно вертеть ее в зубах, пока не сломалась. Она лишь усмехнулась за его спиной – надо же, пала бедная зубочистка жертвой внезапной вспышки Кирюшиного раздражения.

Или это не раздражение? А что тогда? Зависть? Протест? Или обыкновенное хамство? Можно, конечно, его и осадить, да как-то после всех событий недосуг...

– Сделай звук потише, Кирюш. Я душ приму и спать лягу.

Устала...

Думала, упадет и сразу заснет от избытка пережитых за день эмоций, да не тут-то было. Где ж тут уснешь. Надо же что-то делать, надо как-то завтра добыть эти деньги... Надо же придумывать что-то...

А еще невозможно больше было лежать рядом с Кириллом и слушать его беззаботное сопение, вскакивала, бежала на кухню, пила колючую минералку из холодильника. Подходила к окну, вглядывалась в очертания тополиных веток, даже пыталась курить в форточку, хотя, собственно, и не увлекалась этой дурной привычкой, да и Кирилл не приветствовал. Просто вдруг вспомнилось, что завалялась в шкафу пачка сигарет, кем-то из гостей оставленная. Вот, пригодилась...

Никогда она к Катиному Тимоше особенных чувств не испытывала. Да и откуда бы им взяться, особенным чувствам? Кто он ей, Тимоша? Ребенок женщины, которая отца из семьи увела? Чужая женщина, чужой ребенок... Даже лица Тимошиного она толком не помнила. Ну, бледненькое такое, умненькое, глазастое... И он тоже никаких эмоций к ней не проявлял. Когда приходила к отцу, Тимоша будто в тень уходил, сидел себе в уголке с детским каким занятием. Не прыгал перед глазами, не требовал к себе внимания. Дума-

лось, просто воспитанный мальчик. А он никакой не воспитанный, больной просто...

Никогда наперед не знаешь, где тебя подстережет запоздалое чувство вины. Хоть и нет для него жестких обоснований, а все равно, засело внутри, и никуда от него не денешься. Можно всю минералку из холодильника выпить, можно еще одну сигарету закурить и после двух затяжек с остервенением выбросить в форточку, толку не будет.

А может, это и не чувство вины ее гложет? И в самом деле, нет же никаких для него оснований! Может, это давний детский страх напомнил о себе – если не сделаешь доброго дела, то тем самым грех на душу возьмешь? А ей нельзя, чтоб грех... Так бабушка Анна говорила... А впрочем, какая разница? От этого ночного самокопания все равно нужная на Тимошину операцию сумма на голову не свалится. Надо идти спать. Утро вечера мудренее. Утром обязательно что-нибудь придумается.

Поставленный на режим будильника телевизор заиграл бодрую песенку симпатичного певца, про которого когда-то говорили – босоногий мальчик.

– Сань, да выключи ты его... – сонно пробормотал Кирилл, перекатываясь на ее место, – терпеть его не могу...

– А мне нравится! Хороший певец! – встрепенулось в ней от недосыпа чувство протеста. Но звук по пути в ванную немного убавила, заодно глянув одним глазком на босоногого мальчика. Приятный мужчина. И поет хорошо. Чем он Ки-

риллу не угодил, интересно?

Голова болела невыносимо, даже контрастный душ не помог. И лицо в зеркале – то еще было лицо: злое, невыспавшееся, в глазах тревога. За таким лицом и следить бесполезно, никакими ужимками его добрее не сделаешь. А впрочем, какая разница... Лицо – это потом. Сначала надо навалившуюся проблему решить...

Выскочив из подъезда, она на ходу принялась изучать список имен, внесенных в память мобильного телефона. Увлечшись этим занятием, сильно споткнулась, и вместе со страхом упасть пришло в голову правильное, как ей показалось, решение – надо звонить всем подряд, взять да и начать с первого попавшегося! Так, первый у нас кто... Первая у нас Алина... То есть тетя Алина, мамина подруга. Вот с нее и начнем!

– Теть Аль, здравствуйте, это Саня Семенова, вы меня узнали?

– Да, Сань, конечно... Привет... – захрипел в трубку сонный осторожный голос. – Чего ты в такую рань?

– Ой, простите ради бога! Просто у меня к вам дело срочное. Вернее, просьба.

– А что такое? – голос моментально приобрел нотки заинтересованности.

– Теть Аль... Вы мне денег займы можете дать?

– Денег? А сколько?

– Ну, я не знаю... Сколько можете...

Пауза. Тишина в трубке. Сонное сопение.

– Так это, Сань... Я в отпуск на Мальдивы собираюсь, сама понимаешь... Завтра утром уже улетаю...

– Значит, не можете?

– Не, Сань... А у матери твоей что, денег нет? Неужели бизнес медным тазом накрылся?

Опа, а вот это уже конфуз! Как говорилось в кино про Штирлица – никогда он не был так близок к провалу! Вон сколько тети-Алининых эмоций ее неожиданная просьба за собой повлекла – целый букет из любопытства, злорадства и тайной надежды на то, что мамин бизнес накрылся. Правильно мама про нее говорила: эта Алина, мол, из той породы людей, которым своего собственного счастья всегда мало, им обязательно надо, чтобы у соседа корова сдохла. Она ж маме тут же перезвонит, чтобы в своих подозрениях удостовериться!

– Да нет, что вы... Просто я... Я сама у вас хотела... Извините, тетя Аль. Только вы маме не звоните и про мой звонок не рассказывайте, ладно?

– Да с чего это я вдруг ей звонить кинусь? Больно надо...

– Спасибо, тетя Аль. Простите, что разбудила.

– Да ничего...

Услышав спасительные короткие гудки, в изнеможении опустила вниз руку с телефоном. Идиотка, какая же она идиотка! Конечно, Алина тут же маме перезвонит! Хотя... Может, и не станет. Они вроде давно уже в дружеской конфрон-

тации находятся. Помнится, мама рассказывала, не поделили чего-то. А чего именно, сейчас и не вспомнить. Но точно приключились меж ними какие-то издержки женской дружбы-вражды.

Нет, как она сразу о том не подумала, что маминых знакомых надо из списка потенциальных кредиторов исключить. А с другой стороны, где таких знакомых найдешь, кто бы ее маму не знал? Если только среди своих, институтских поискать...

Никогда она еще так не спешила на занятия, как в это утро. Тем более был последний учебный день – потом сессия начнется, и никому до ее проблемы дела не будет. Хотя и не факт, что сегодня такие желающие найдутся. Хоть бы Польша сегодня пораньше на занятия притащилась, а то у нее вечная привычка опаздывать!

К счастью, Польша оказалась в аудитории – посиживала себе на привычном месте, то есть в самом последнем ряду, таращилась в зеркальце, разглядывая по очереди то один намаливаный глаз, то другой.

– Слышь, по-моему, я на правый глаз больше туши извела... – задумчиво проговорила Польша, не поворачивая головы, – буду сегодня на всех зырить, как циклоп...

– Привет, Польша!

– Привет, привет... А ты чего такая запыхавшаяся?

– Да я торопилась... У меня к тебе дело, Польша...

– Посмотри на меня, Сань! Сильно заметно, что правый

глаз больше левого накрашен?

– Ой, да какая разница! – плюхаясь рядом с ней на скамью, проговорила она сторяча и не подумав.

Именно не подумав! Да разве можно в такой ответственный момент ляпать подруге что-нибудь подобное? Вон как уставилась на нее – сейчас обидится.

– А по-твоему, нет никакой разницы, да? И накрашенная страшная, и ненакрашенная страшная, да? Ты это хотела сказать?

Ну, все, понесло... Сейчас ей, как бабушка Анна говорила, хоть кол на голове теши, а пока скороспелую обиду не переживет, к нормальному диалогу не вернется. Комплекс у нее такой – везде ей насмешка над ее внешностью мерещится. Далась ей эта внешность, ей-богу! Ну, не дал бог красоты, и ладно... Зато, как раньше говорили, душа красивая...

– Поль, да вовсе я ничего такого... Чего ты с пол-оборота заводишься? Я еще понимаю, если б кто другой тебя обидеть покусился... А я...

– Так потому вдвойне и обидно! Ты ж на моей стороне должна быть, а от тебя сроду комплимента не дождешься!

О как! Ей еще и комплименты вдруг потребовались! До маразма далековато, но комплекс уже крепчает! Ладно, относительно комплиментов запомним на будущее. Придумаем комплименты, постараемся. Жалко, что ли. Вранье во благо – уже не вранье. А можно и прямо сейчас жахнуть... Чего бы такое придумать, чтобы она перестала комплексо-

вать и растаяла?

– Да не кати на меня бочку, Польша! Помнишь, как я тебе третьего дня говорила, что ты на Джулию Робертс похожа?

– Иди ты? Правда, что ли? Не помню...

– Ну, так сейчас говорю, если не помнишь! Похожа, очень похожа!

– Ага... Только у меня глаза поменьше, нос пошире и рот подлиннее... А так – ну копия просто... Ладно, Санька, не напрягайся, сама знаю, что лягушатица... – вздохнув, с грустным сарказмом произнесла Польша, – мало того, что некрасивая, так еще и на подружку ни за что ни про что набросилась... Не обижайся, ага?

– Да ладно, проехали... Я, что ли, здесь в королевах сижу?

Да, в своей институтской группе они были на пару некрасивы. Только некрасивость их была разных типов. Если у нее некрасивость была яркой, со знаком плюс и притягивала к себе настороженно-сочувствующие взгляды, то у Польша она была со знаком минус, то есть вообще никаких взглядов не притягивала, даже настороженно-сочувствующих. Польша была из породы бледнолицых мышек, про которых говорят: надо шесть раз познакомиться, чтобы на седьмой при встрече узнать. Потому и красилась отчаянно ярко – ей представлялось, что так она хотя бы выделяется, – и вечный избыток косметики на лице придавал ей действительно какой-то лягушачий вид.

Наверное, они по признаку обоюдной некрасивости и по-

дружились. В тот сентябрьский день, когда их девчачью группу впервые собрали в аудитории, Польша сама к ней подошла, села рядом за стол, наклонилась к уху интимно:

– Слышь... А тебе не кажется, что мы на фоне этих нимфеток врагами народа смотримся?

– Как это – врагами народа? – опешила она, отстраняясь.

– Так сама посмотри... Не группа, а очередь в салон красоты. Я, как зашла, сразу внимание обратила. Провести в таком окружении пять долгих лет – испытание не для слабонервных. И чего этих красоток в Финансовый институт понесло?

– Так вроде наоборот, вполне женская профессия...

– Ой, не скажи! Везде, куда взгляд ни кинь, финансами одни мужики распоряжаются. Учатся на финансистов бабы, а финансами распоряжаются мужики – где справедливость?

– Ну, допустим, не везде...

– Ладно. Потом с тобой к этому вопросу вернемся. Кстати, давай знакомиться. Меня Полиной зовут.

– А меня Саней.

– Саня – это Александра?

– Нет. Мое полное имя – Сантана.

– Как?!

– Сантана... А что?

– Да ничего, ничего... Сантана, значит. Что ж, тогда я буду... Польша! Зови меня Польша, ага?

– Хорошо, как скажешь. Польша так Польша.

– Ну, вот и отлично! Сантана и Польш – неплохо звучит, согласись! Как название крутой фирмы! Пусть знают нимфетки, что мы с тобой тоже не абы как, не Ксюши с Олесями! Не красотой, так именами возьмем!

С тех пор они и ходили неразлучной парой – Сантана и Польш. Как Польш говорила, некрасивые, но жутко гордые. Общения с нимфетками не чурались, но и к себе особо близко не подпускали. У вас своя свадьба, у нас своя.

– А ты чего сегодня такая квелия? Кирюша ночью спать не давал, что ль? – запихивая пудреницу в переполненную косметичку, коротко взглянула на нее Польш.

Просквозила-таки доля непрошеной зависти в голосе верной подруги. Хотя и маленькая совсем доля, а все равно чуть-чуть оцарапала. Видимо, любая женская дружба без нее уже и не дружба, а пресное недоразумение. Чуть-чуть перчик все равно требует. Но сейчас надо бы так Польш ответить, чтобы не переперчить, не дай бог. Побережь ее самолюбие, потрафить слегка...

– Да прям, какое там волшебство! У нас вообще оно в последнее время все реже случается!

– Это почему? – В глубоко посаженных глазах Польш блеснул огонек любопытства.

– Да как тебе сказать... Ну, в общем... Давай с тобой потом этот интимный вопрос обсудим! А сейчас у меня и поважнее тема для обсуждения есть, только я из-за твоих утренних рефлексий никак добраться до нее не могу!

– Что за тема? Давай выкладывай быстрее, через минуту звонок будет! Вон и лектор уже приперся, сидит за столом, репу чешет. Чего у тебя случилось?

– Ой, даже не знаю, с чего начать... Мне деньги нужны, Поль! Срочно!

– Ой, тоже мне, нашла важную тему! А кому они нынче не нужны?

– Да мне много надо, Поль!

– Это сколько – много?

– Пять тысяч евро.

– Ух ты... Это ж сколько, если в рублях, даже и не соображу с перепугу...

– Примерно двести тысяч.

– Ух ты, мать моя женщина... Хрен редьки не слаще – двести тысяч! А зачем тебе столько понадобилось, да еще и срочно?

– Да это не мне, это Тимоше! Ему срочная операция нужна, ее только в Швейцарии делают!

– А кто у нас Тимоша?

– Да я ж тебе рассказывала! Это сын Кати, новой жены отца. Мне надо обязательно и срочно эти деньги добыть, Поль! Как думаешь, к кому из наших с этим вопросом можно подкатиться? Ты же все про всех знаешь...

Переливчатая трель звонка погасила шмелиный гул собравшихся в аудитории студентов, и вот уже поплыл над головами занудный голос преподавателя:

– Итак, господа, в прошлый раз мы остановились на понятиях и принципах бюджетного процесса. Формирование бюджетов, господа, включает в себя три последующие стадии...

– Чего он заладил через каждое слово – господа да господа! – гневным шепотом пробурчала ей на ухо Поль. – Где он тут господ увидел, хотелось бы мне знать? Даже займы попросить не у кого...

– Может, у Катьки Мирошниковой? Она вроде на крутой иномарке всегда к институту подъезжает...

– Ага, размечталась! Откуда у нее? Катька на содержании у богатого папика живет, это он ее к институту подвозит. Я его видела однажды – противный такой, пузатый. Думаешь, ей так уж радостно эта красивая жизнь достается и папик за просто так деньги дает? Нет, матушка, в те деньги высочайшая степень терпения и несвободы вложена, чтобы за здорово живешь с ними расстаться...

– А у Ксюхи Петренко? Может, она даст?

– Петренко?! Да ты что, мать, с луны свалилась? Покажите мне человека, которому удалось что-нибудь и когда-нибудь выпросить у Петренко! Зимой – снега, весной – дождя, летом – немного солнца! Покажите мне того человека, я ему в пояс поклонюсь!

– Поль... Кончай придуриваться, а? Тогда сама кого-нибудь посоветуй! Кто у нас тут самый щедрый и богатый, как думаешь?

Отодвинувшись, Польш сунулась носом в свою тетрадь, пофыркала туда непонятно, будто с трудом сдерживая смех, потом развернула лицо к ней, посмотрела хитренько снизу вверх.

– Сань... Ну ты меня сегодня просто поражаешь своим исключительно прекрасным отношением к окружающим тебя людям! Экая ж ты романтическая натура! Если хочешь историй про богатых и щедрых, то тебе про них в женских романах пошуровать надо, а в реальной жизни эти понятия вообще взаимоисключающиеся.

– Ну зачем ты так, Польш... Я думаю, если объяснить ситуацию как есть... Я ведь не для себя прошу...

– Ну, пойди, объясни. Потеряй время. Получишь массу сочувствия, а денег все равно не дадут.

– Ты думаешь, не дадут?

– Не-а. Здесь все на родительских шеях сидят, ни у кого своих денег нет. А если и есть у кого свои, все равно не дадут. Со своими расставаться вдвойне тяжелее.

– И... что же мне делать?

– Что, что... Слушай, а ты у матери своей попроси! Она ж тебе никогда и ни в чем не отказывает!

– С ума сошла? Не, этот вариант уж точно нереальный. Если я ей скажу, для кого я прошу... Она ж... Она ж отцовской беде только обрадуется, как ни кошунственно это звучит, прости меня, господи... Она после отцовского ухода вообще со здравым смыслом не дружит. На его месте обида

пополам с желанием отомстить поселились. Не, Польша... Даже не стоит и подходить с этой просьбой, только давать ей повод для всплеска безотчетного злорадства. Сочувствие и женская обида рядом не живут, это понятия взаимоисключающиеся, как ты говоришь.

– Да ладно, не надо мне так подробно все нюансы втолковывать... Знаем, проходили. Я помню, как мою мать колбасило, когда отец уходил. Все время только и твердила: отольются слезки, отольются слезки... А потом отец и впрямь в жуткую аварию попал, едва выжил...

– Значит, сама понимаешь, у мамы просить – это не вариант... – грустно прошептала она, рассеянно глядя на преподавателя, быстро и ловко рисующего мелом какую-то замысловатую таблицу на доске.

– Слушай, а ты соври ей чего-нибудь! Матери-то! – побезьяньи подпрыгнув на скамье, вдруг достаточно громко произнесла Польша. Так громко, что удивленно обернулись на них впереди сидящие. – Простите, господа, не сдержала эмоций, прошу глубокого прощенья... – покаянно произнесла Польша, пригибая голову и прячась за их спины. – Больше не буду, честное слово... – К счастью, преподаватель даже не заметил нечаянного всплеска ее эмоций, так увлечен был своей схемой. Наклонившись к ее уху, Польша повторила уже шепотом: – Слышь, соври... Придумай чего-нибудь героическое, но в то же время достаточно реальное, зачем бы тебе такие деньги понадобились!

– Чего, например? – удивленно пожала она плечами. – Попросить у нее денег в фонд поддержки голодных детей Никарагуа?

– Да иди ты со своим Никарагуа... Я ж серьезно! Ну, соври, что тебя, к примеру, в составе студенческой группы в Англию приглашают... Якобы на летние каникулы... Между прочим, я слышала, ее и правда собирают, группу-то.

– А если она в деканат попрется? Чтобы все разузнать подробнее?

– Да ну... Я думаю, не догадается. Наоборот, головокружение от дочкиных успехов ей напрочь башку снесет. Вот моя бы маман точно в деканат поперлась и мне бы всю плешь проела, что да как, да где почему... Денег бы точно не дала, но плешь бы обязательно проела. А для полного счастья еще бы и к отцу отправила, чтобы он лишний раз помучился от своей материальной несостоятельности. А папа бы, как водится, депутатов ругать начал, что они талантливой, но бедной молодежи путей не дают... А жена бы папина сидела и зыркала на меня, как змеища... И пошло бы, и поехало!

Вяло махнув рукой, Поль состроила несчастную огорченную мину, внутренне переживая свой только что придуманный и уже несостоявшийся отъезд в Англию. Помолчав, сказала тихо, с искренней горечью в голосе, будто открыла давнее, наболевшее:

– Вот убей, Сань, не понимаю я своего папашу... Зачем надо было шило на мыло менять? Его ж вторая жена, по су-

ти, ничем от мамы не отличается... Ни внешностью, ни характером, а гоняет его еще и похлеще, бывает... Злится, что у него зарплата маленькая. И мама точно так же злилась, подумаешь. Нет, не понимаю, зачем было первую семью разрушать, чтобы потом ее снова клонировать? В чем смысл семейной жизни как таковой, господи, может мне кто-нибудь это объяснить?

Ответом ей был звонок на перерыв, деликатно влившийся в аудиторию. Преподаватель запнулся на полуслове, пожал плечами, глянул с недоумением на часы, потом произнес благосклонно:

– Что ж, давайте прервемся на десять минут...

– А то бы мы без твоего разрешения не прервались, – тихо прокомментировала Польша, усмехаясь. – Пошли, что ль, на улицу выйдем, я покурю, а ты рядом постоишь! – Она живо поднялась со скамейки, хватая свою сумку и нацеливаясь в проход между рядами.

Что ж, можно и на улицу. Заодно телефон надо включить, посмотреть, кто звонил. Ага, вот они, непринятые звонки... Целых пять, и все с интервалом в три минуты! И все от мамы!

Не успела она испугаться, как телефон завибрировал у нее в руках, и она автоматически нажала на кнопку ответа. Поднесла к уху, и тут же послышалось мамино возмущенное:

– Санька, что у тебя случилось, говори быстрее, иначе у меня сердце лопнет! Ну?!

– Да ничего, мам...

– Не ври! Зачем ты Алине звонила и денег у нее просила?

Значит, все-таки сдала ее тетя Алина... С потрохами сдала. Причем очень быстренько это грязное дело обстряпала. Видать, велико было искушение узнать, накрылся ли бизнес медным тазом.

– Чего тебя вдруг понесло этой завистливой дуре звонить? Ты же знаешь, что я послала ее куда подальше! И зачем тебе так срочно пять тысяч понадобилось? – бушевала в трубке мать, не давая ей шанса вставить хоть слово. – Куда ты вляпалась, Санька, отвечай немедленно!

– Мам, да никуда я не вляпалась! Просто... Просто я не хотела тебя лишний раз напрягать...

Поль вовсе подавала ей какие-то знаки, отчаянно крутя перед лицом ладонью с зажатой меж пальцами сигаретой, даже на месте подскакивала от нетерпения. Наконец до ее уха донеслось тихое шипение – про Англию, про Англию давай...

– Что значит не хотела напрягать? Чем напрягать?

– Мам, да просто у нас в институте группу в Англию собирают... Вот я и решилась у тети Алины...

– А у родной матери что, слабо? Чего ты меня так позоришь, дочь? Решилась она! У тети Алины! Что я, денег бы тебе не дала на эту Англию? Я тебе отказывала хоть когда-нибудь, хоть в чем-нибудь?

– Нет, мам... Прости... Не обижайся, пожалуйста.

– Да ну тебя!

– Ну, мам...

– Да ладно, ладно... – уже более спокойным тоном произнесла мать. Секунду помолчав, спросила деловито: – А когда надо деньги нести?

– Лучше сегодня, конечно.

– А завтра можно?

– Ну... Можно и завтра...

– Ладно, коли так. Жди меня вечером, я сама к вам заеду, деньги привезу. И ужин приготовь, я голодная буду. Все, пока, у меня тут поставщики приехали...

Нажав на кнопку отбоя, она длинно вдохнула, потом так же длинно выдохнула, отерла выступивший на лбу холодный пот.

– Ну вот, а ты боялась... – насмешливо произнесла Польша, прицеливаясь недокуренной сигаретой в урну. – Не успела опомниться, а уж и дело сделано.

– А как я потом это вранье буду объяснять? – Она испуганно подняла на Польшу глаза.

– Да как-нибудь! Чего заранее паниковать? И как бы ты вообще из долгов выбиралась? Главное, что хотела, то получила, а потом видно будет. Пошли уже, сейчас звонок прозвонит...

Домой она припозднилась – решила в супермаркет заскочить, чтобы купить что-нибудь необыкновенное на ужин. Всю дорогу из института только об этом ужине и думала, испытывая при этом запоздалое чувство вины за свое вранье. И ничем эту вину перед мамой не искупишь, разве что ужином... Чем бы таким ублажить маму? Кроликом в красном вине? Уткой с яблоками? А может, пирог с палтусом завернуть, как делала когда-то бабушка Анна? Очень у нее вкусно получалось. У нее вообще любая еда вкусно получалась, хоть и самая простая. Выйдешь, помнится, на крыльцо, в одной руке большая глиняная кружка с молоком, в другой – горячая ватрушка с хрусткой румяной корочкой... Бабушка эти ватрушки очень смешно называла – шаньги. Вкусные были эти шаньги. Никогда и нигде ничего вкуснее не ела. Теперь уж и не поест, наверное.

Ну вот. Этого еще не хватало – опять душа разнылась от детских воспоминаний. Стоит себе слабину дать, и все нутро будто сжимается, а в голове крутится – моя ты сирота...

Ладно, пусть будет сегодня на ужин пирог с палтусом. Тем более рыбу разделывать не надо, вон она, лежит готовыми ломтями в лотке, нежно в целлофан укутанная. И на этикетке написано: «для пирога». То, что надо: прийти домой, тесто быстренько раскатать, рыбу выложить, луком-лаврушкой

засыпать – и в духовку. Пятнадцати минут процедура не займет. Аккурат к маминому приезду и будет готово угощение.

Непонятно, зачем ее понесло дверь открывать своим ключом. Вошла в прихожую, опустила пакеты на полку, а из кухни голоса... Мамин и Кирюшин...

– ...Да разве бабе от мужика по большому счету многое надобно? Если она умная, то всегда свою главную выгоду оценит, а если глупая, то претензии предъявлять начнет. И то ей не так, и то не этак! Секса не хочу – голова болит, готовить неохота – маникюр попорчу, надеть нечего – страдаю, денег заработай – много и сразу! Вот и все разговоры у глупой бабы! А если умная... Ты мне скажи, Кирюш, как на духу, моя-то хоть Санька по-умному себя ведет? Головной болью, как медалью, не хвастается?

– Н-н-н... Нет...

– А пожрать готовит?

– Да, конечно, Татьяна Семеновна... Конечно, готовит...

Стоя в прихожей, она мстительно усмехнулась – слишком явно слышались в Кирюшином бляении нотки страдания. Вот и хорошо, и пусть пострадает немного. С мамой беседу вести – это тебе, Кирюш, не в телевизионную «Стройку любви» бездумно пялиться. С мамой это уже другая стройка, называется «я здесь прораб, а ты терпи». Вот и терпи, Кирюша.

– Ну, а про всякое там «надеть нечего» и спрашивать не буду... Тут уж я в своей Саньке уверена! Вон, шкаф от нарядов ломится! В этом плане она к тебе претензии предъявить

не посмеет. Да и насчет денег тоже...

– Да вы не думайте, Татьяна Семеновна, я обязательно скоро на работу устроюсь... Я звонка от работодателя жду...

– Да бог с тобой, Кирюша! Разве я хоть словом про работу обмолвилась? Успеешь еще... Вон ты какой – спокойный, холеный, любо-дорого посмотреть. А работа – она любого мужика до костей съедает! Нет-нет, Кирюш... Мне для Санькиного счастья ничего не жалко! Так что живите и радуйтесь, пока я жива и в силе!

Так, надо поскорее как-то объявить о своем присутствии, иначе маму сейчас понесет. Вряд ли Кирюша обрадуется маминым излияниям.

Шагнув к двери, она тихо ее открыла и тут же с грохотом захлопнула, засуетилась в тесном коридорчике со своими пакетами. В дверях кухни тут же нарисовалась мама, двинулась ей навстречу с улыбкой:

– Ой, кажется, доча моя пришла... Чего у тебя там, в пакетах? Тесто, рыба? Значит, на ужин пирог задумала? Молодец, доча, сейчас мы этот пирог в секунду спроворим, вдвоем-то!

Из-за ее спины высунулся из кухни и Кирилл, проскользнул в комнату, деликатно проехав спиной по стеночке, произнес с явным облегчением:

– Ну, вы уж тут без меня...

– Ага, иди, Кирюша, иди! Мы тебя позовем, когда готово будет! – ласково проговорила ему в спину мама. – А может,

пока пивка холодненького? Сань, принеси ему пивка!

– Он пиво не пьет, мам.

– Почему? – огорченно двинула вверх бровками мама.

– Потому что он больше другие напитки уважает. Виски, к примеру, или шампанское, на худой конец. Кирюша любит признаки настоящей жизни, мам.

– А... – снова двинула вверх бровками мама, на сей раз с уважением. Даже не заметила бьющей через край насмешливости в ее голосе. Обернувшись и пристально оглядев ее с головы до ног, проговорила тихо, но довольно напористо: – Сань, ну в чем ты на занятия ходишь! Джинсы, кроссовки, сверху обдергайка какая-то! Не забывай, ты же в престижном институте учишься! И вообще... Думаешь, Кириллу приятно на тебя смотреть, на такую?

– Да нормально, мам.

– Ох, вот учу тебя, учу... Запомни, доча, ни одной некрасивой бабе манна небесная на голову не свалится. А если уж свалилась, надо уметь ее сохранить.

– Это что, Кирилл, что ли, манна небесная?

– Да! Да! – громко то ли зашептала, то ли зашипела мама. – А какого ты себе еще мужика хочешь?

– Да он глуп как пробка, мам... Глуп и самонадеян...

– Вот и хорошо, что глуп! Зато барской статью берет! И с лица красив, как девка, одно удовольствие на него глядеть!

– А бабушка Анна всегда говорила – с лица воду не пить...

– Ну, вспомнила бабушку Анну! Моя матушка, царствие

ей небесное, всю жизнь в деревне прожила, чего ты на нее равняешься? Нынче умные люди другие правила для жизни придумали... Подумаешь – глупый! Зато в люди с ним выйти не стыдно! И вообще... Дома эстетическое удовольствие получить... Я вот прожила с умной отцовской рожей двадцать лет, а толку? Все псу под хвост! Кормила, одевала, ублажала... Думала, оценит, а он...

– Не начинай, мам, прошу тебя... Только себя растратишь...

– Да что – не начинай! Думаешь, легко мне все это дается? Знаешь, мне иногда кажется, что я даже убила бы его, ей-богу... И мне бы сразу легче стало. Нормально бы жить начала. А так... Ну не могу я успокоиться, как ни стараюсь! Прямо кипит все внутри, обида меня гложет!

– Мам, давай лучше пирогом займемся...

– Ты знаешь, я даже к врачу обращалась, к психологу. Он говорит, это у вас на фоне застарелой неврастении... Таблетки какие-то прописал...

– Ну, вот и хорошо. Вот и пей таблетки. Все пройдет, мам... Тебе фартук дать?

Вдвоем они и впрямь быстро приготовили пирог, накрыли на стол к ужину, даже бутылка красного вина нашлась в холодильнике. Чокнулись, выпили за удачу и счастье. Разомлевшая мама, окутывая их с Кириллом довольным улыбочивым взглядом, потянулась к сумке:

– Про деньги-то чуть не забыли, доча... Вот тут, в паке-

тике, ровно двести тысяч. Возьми, положи себе в сумочку, а то с утра забудешь.

Кирилл на секунду застыл, не донеся кусок пирога до рта. Глянул на нее с удивлением, но смолчал.

– А когда надо ехать, доча? Чего там в институте говорят?

– Я... Я не знаю... Еще точную дату отъезда не объявляли... Там еще визу надо оформлять, билеты...

– Ну, хоть примерно? – никак не унималась в своем законном любопытстве мама.

– Я не знаю... Где-то через месяц, наверное. Сразу после сессии...

– Сань... А куда? – робко взглянув на маму, подал наконец голос Кирилл. – Куда ты уезжаешь через месяц, Сань?

– А ты что, не знаешь? – удивленно подалась ему навстречу мама. И уже сердито – в ее сторону: – Ты почему Кириллу ничего не сказала, забыла, что ли?

– Ага! Я забыла! Я забыла, Кирилл, прости! – радостно уцепилась она за мамино предположение.

– Она в Англию уезжает, Кирюш! – торопливо принялась прояснять неловкую ситуацию мама. – В составе студенческой группы! Согласись, глупо же отказываться! Ты ведь не против, правда?

– Да нет, с чего бы... – с малой, но все-таки подобающей случаю толикой обиды в голосе произнес Кирилл, откидываясь на спинку стула. – Кто ж откажется, если Англия и все такое... Спасибо, Татьяна Семеновна, классный пирог полу-

чился. Я в комнату пойду, ладно? Там сейчас «Стройка любви» будет...

– Далась ему эта «Стройка любви»... – дождавшись, когда Кирилл скроется за дверь, тихо проговорила Саня – Представляешь, мам, целыми днями туда пялится, ни одного выпуска не пропускает, свихнется скоро! Лучше бы уж работу искал...

– Да ладно тебе! Пусть лучше в телевизор пялится, чем на других баб! – сердито зашептала мама, оглядываясь на дверь. – Все тебе не ладно, смотри-ка! – И наклонившись поближе, уже более озабоченно поинтересовалась: – А чего ты ему вдруг про Англию пока решила не рассказывать? Выходит, я тебя с потрохами сдала? Так предупредила бы...

– Да нет, мам... Я и впрямь забыла... Наверное, это от усталости. Сессия на носу, курсовая...

Понимающе качнув головой, мама глянула на нее пристально, потом снова потянулась к сумке. Достав кошелек, выдернула оттуда, не считая, пачечку тысячерублевых купюр, решительным жестом хлопнула ею об стол:

– Возьми, доча! Что-то ты и впрямь плохо выглядишь! На вот тебе, запишись в салон, приведи себя в порядок! Аккурат перед поездкой успеешь. А то что же, Англия все-таки... Надо же себя культурненько обиходить... А если этих денег не хватит, я еще дам!

Ох... Как же противно ёкнуло внутри – что же она с бедной матерью творит? Она ж ей верит, она ж от души... По-

тому и открылась навстречу ее вранью с радостью, с чистой доверчивостью. Бедная добрая мама. Не мама, а чистый ангел. А она не дочь, а чудовище. Тоже, придумала, как отцовскую проблему решить... Сиди теперь, вымучивай из себя искреннюю благодарность, чувствуя заодно угрызения совести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.